

В.А. Тихонов-Мордвин

Буря и штиль
Морские рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В11

В11 **В.А. Тихонов-Мордвин**
Буря и штиль: Морские рассказы / В.А. Тихонов-Мордвин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 277 с.

ISBN 978-5-458-12253-5

Буря и штиль: морские рассказы: с рисунками художников М. А. Андреева, Н. Энкель, В. Черникеева и др.

ISBN 978-5-458-12253-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. А. Тихоновъ-Мордвинъ.

1/449
725

БУРЯ И ШТИЛЬ.

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

254

≡ СИЛОЙ ТРУДА ≡

РАЗКАЗЪ МОРЯКА В. Черникѣва.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКОВЪ:

М. А. Андреева, Н. Энкель, В. Черникѣва и др.

ПЕТРОГРАДЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Петроградъ, Фонтанка, 61.

Красный морской разбойникъ. Сочинен. Франца Гофмана. Перев. под редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель „Каролины“.—На палубѣ „Дельфина“.—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ „Священнаго острова“.—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленіе къ бою.—„Капитанъ Говардъ“.—Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія. — Роковая битва. — Вичь морей! — Геройскій поступокъ.—Въ родной землѣ.—Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

Желѣзный Пиратъ. Соч. М. Пембертона. Перев. съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 45 рисунками. Ц. 1 р. 20 к. „Желѣзный Пиратъ“ Макса Пембертона, одно изъ самыхъ захватывающихъ произведеній этого замѣчательнаго писателя, который отличается силой воображенія и умѣніемъ рисовать живыя картины; въ этой повѣсти дѣйствующія лица рельефно и отчетливо выступаютъ на фонѣ самыхъ захватывающихъ приключеній („Литературный Миръ“).

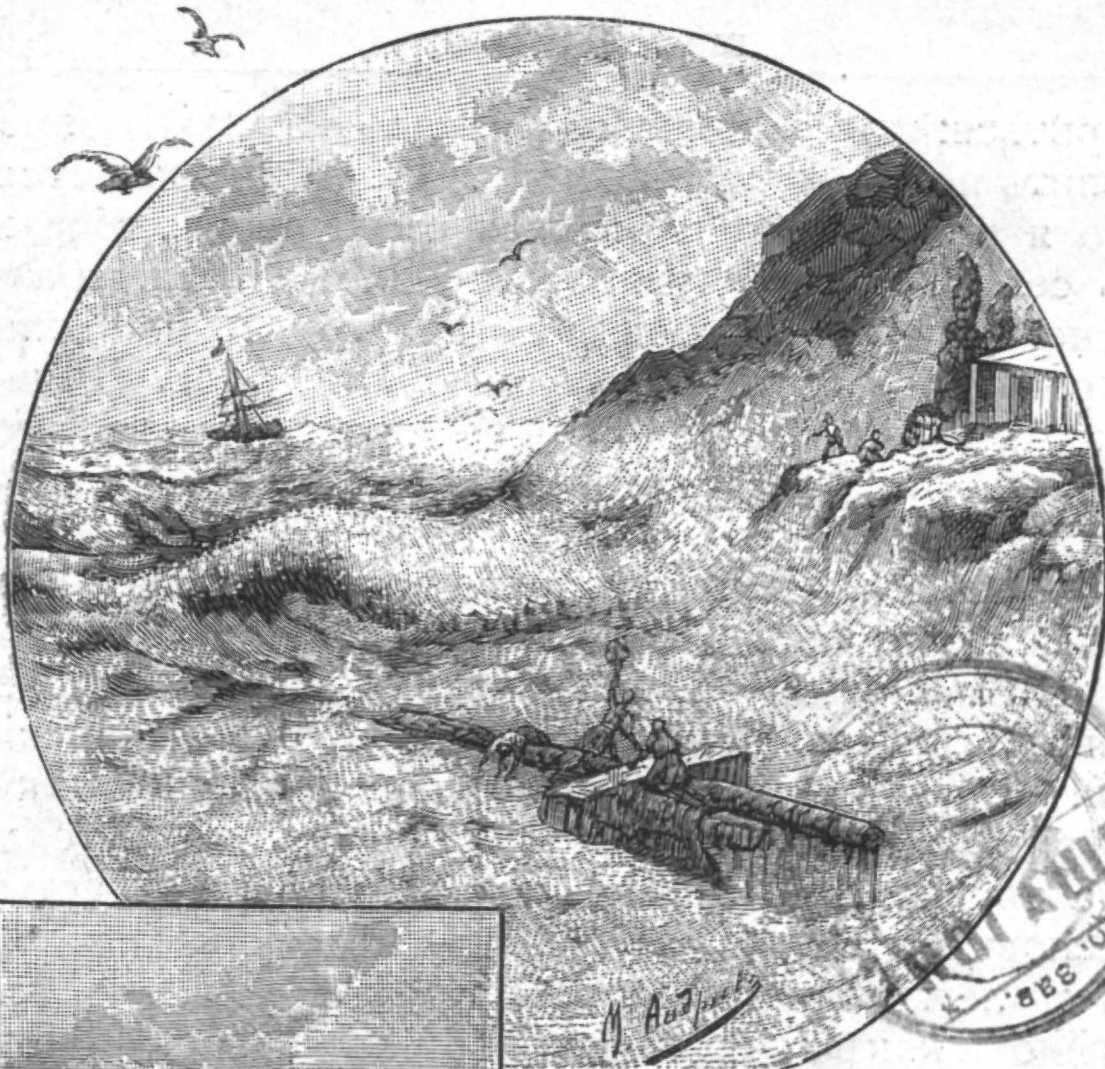
Морскія приключенія. Соч. Е. М. Чистяковой-Вэръ. Крушеніе и гибель судовъ. Пожаръ на кораблѣ. Витвы съ морскими разбойниками и пиратами. Торговля неграми. На островѣ людоедовъ. На дальнемъ Сѣверѣ. Искатели жемчуга. Капитанъ Акула. Капитанъ Бродяга. Запечатанный приказъ. На оторванной и унесенной въ море льдинѣ. Страшный капитанъ судна „Черный парусъ“. Жизнь подъ водою. Тайна шкуны Одоноль. Страшное призовое судно и пр. и пр. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. Съ 100 рисунк. въ красивой папкѣ, 235 стр. ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ

«Бигль». Соч. Ч. Дарвина. Полный пер. М. Филиппова иллюстр. изд. въ красивой папкѣ. 386 стр. ц. 1 р. 50 к. „Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль“—одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ. Несмотря на присущую Дарвину научную точность и документальность, она читается какъ романъ и смѣло можетъ быть рекомендована юношеству для образоват. чтенія. Отз. ж. „Нива“.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона

Крузо, описанныя имъ самимъ. Соч. Даніеля Деффо. Новый полный пер. В. Д. Владимірова, съ 200 рис. художника Гранвиля. Спб. Ц. 1 р. Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, вымыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человѣка выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою. 3-е изданіе. 1912 г.

БУРЯ и ШТИЛЬ.

МОРЕ.

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его.
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его провѣрилъ...

А. И. Полежаевъ.

I.

— Вы хотите знать, какъ
я полюбилъ море? Изволь-
те, я расскажу вамъ это.
Впрочемъ, я долженъ ого-

вориться: когда полюбилъ я море—этого я опредѣлить положительно не могу. Порою мнѣ кажется, что я прямо такъ и родился съ готовой любовью въ сердцѣ къ этой чудной, свободной стихіи; а разъ я не могу опредѣлить — когда, трудно, конечно, опредѣлить — и какъ я полюбилъ море. Точно знаю я только одно: когда я пересталъ бояться его.

— А вы развѣ когда-нибудь боялись моря?— слышался чей-то голосъ.

— О! Еще какъ! И, по совѣсти сознаться долженъ, долго боялся моего теперешняго друга.

Но начну съ самаго начала. Родился я въ деревнѣ, въ усадьбѣ моихъ родителей. Нашъ барскій домъ стоялъ на берегу небольшой сплавной рѣки, Курмыги; неглубокая и неширокая, тихо текла она то среди поемныхъ луговъ, то черезъ густые сосновые лѣса. Курмыгу лѣтомъ взрослый человѣкъ легко могъ въ бродъ перейти, но весной она буйно и какъ-то безпорядочно разливалась по широкому простору.

— Курмыга-то наша разлилась, что твое море!—говорила тогда моя няня.

— А развѣ море такое же широкое?—спрашивалъ ее я.

— Поди, еще шире!—задумчиво отвѣчала старуха, сама никогда не видавшая моря.—Волга и та шире,—подумавъ немного, съ увѣренностью уже добавляла она.

А я смотрѣлъ на Курмыгу и думалъ, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть красивѣе этого воднаго весенняго простора. Красивѣе и страшнѣе.

Весной мнѣ и близко не позволяли подходить къ берегу: во-первыхъ, было холодно, а во-вторыхъ случались обвалы, и я съ балкона нашего дома съ завистью смотрѣлъ, какъ мои старшіе

братья и сестры на нашем раскрашенном катерѣ отправлялись кататься по разливу. Лѣтомъ же, когда Курмыга входила въ берега, они иногда и меня съ собой брали, и я съ какимъ-то священнымъ трепетомъ смотрѣлъ, какъ журчала вода подъ бортомъ катера.

А когда наша лодка далеко отходила отъ берега, мнѣ становилось страшно.

По со-
вѣсти
дол-
женъ
вамъ со-
знаться,
что-
рость
явѣдѣт-
ствѣ
преве-
ликимъ
т р у-
с о м ъ.
Чего я
только
ни боял-
ся тогда:
и тем-
ныхъ ко-

мнать, и чужой собаки, и лошадей, а передъ ко-
ровами и быками прямо-таки трепеталъ. Но больше
всего боялся я Курмыги, да развѣ еще грозы. Когда
начиналась гроза, няня уводила меня въ дѣтскую,
опускала занавѣску, я пряталъ голову въ подушки
ея постели и вздрагивалъ при каждомъ ударѣ
грома, и все шепталъ:

— Господи, пронеси! Господи, пронеси! Илья-пророкъ, проѣзжай!

И не любилъ я грозы.

А вотъ Курмыгу, хотя также боялся, но любилъ. Тянуло меня къ ней. Бывало, придешь съ няней на плотикъ, окружавшій купальню, и трясешься весь со страху, а глазъ отъ воды отвести не можешь и съ завистью только смотришь, какъ мои сверстники тутъ же прыгаютъ на одной ножкѣ или въ зыбкомъ ботничкѣ покачиваются. И я думалъ тогда:

„Вотъ вырасту большой, тоже и прыгать буду, и въ ботничекъ сяду“.

А когда меня первый разъ купаться взяли, вотъ визгу-то было! Даже няня разсердилась, хотя именно она-то своими заботами и сдѣлала меня такимъ трусомъ.

Такъ росъ я лѣтъ до семи, когда впервые увидалъ Волгу—и не только увидалъ, но даже и поѣхалъ по ней на пароходѣ.

Страху я набрался за это путешествіе—и рассказать нельзя! А отецъ все время срамилъ меня:

— Какъ тебѣ не стыдно? Такой большой мальчикъ, а трусишь хуже всякой дѣвочки,—говорилъ онъ.

— А все это плоды воспитанія нянюшки Февроньи Степановны,—иронически замѣчала тетя.

Но какъ бы то ни было, а путешествіе на пароходѣ мнѣ понравилось. Хоть и страшно, а хорошо. И когда мы во второй разъ на пароходѣ поѣхали, я уже былъ гораздо смѣлѣе и рѣшался даже одинъ по палубѣ походить.

А вернувшись домой и рассказывая нянѣ о нашемъ путешествіи, немилосердно хвасталъ. Говорилъ ей, что Волга шире самага моря, и паро-

ходъ такой большой-большой, но что я ровно ничего не боялся, и рѣшилъ въ тотъ же день отправиться на Курмыгу и сѣсть въ ботникъ.

На Курмыгу я, правда, пришелъ, но въ ботникъ сѣсть побоялся и удовольствовался тѣмъ, что потрогалъ рукой его выдвинутый на песокъ носъ.

Въ эту зиму я уже недурно читать сталъ, и сразу самымъ любимымъ чтеніемъ моимъ сдѣлались всякія путешествія и приключенія на морѣ. У себя въ тетрадкѣ я рисовалъ все корабли да пароходы и на каждомъ непременно отмѣчалъ мѣсто, гдѣ должна быть дѣтская.

А къ веснѣ заявилъ отцу, что во что бы то ни стало хочу морякомъ сдѣлаться. А онъ на это только улыбнулся и сказалъ:

— Какой ты морякъ? Трусишка ты, вотъ что!

Мои братья, услыхавъ, что я хочу морякомъ стать, пригласили меня съ собой на катеръ по разливу покататься, заявивъ, что моряки не только Курмыги, но и Волги бояться не должны. Отступление было отрѣзано, и я съ замираніемъ сердца отправился съ ними на берегъ.

Помилуй Богъ, какъ страшно было! И въ глубинѣ души я желалъ, чтобъ наша прогулка какъ-нибудь разстроилась.

Но мы дошли благополучно до катера, братья сѣли въ весла, сестра Лиза взялась за руль, а меня посадили въ серединѣ на скамеечку. Оттолкнулись отъ берега и поплыли. Я зажмурилъ глаза, а братья расхохотались.

— Ну, и морякъ!—сказалъ старшій, Сергѣй.—Посмотрите, какъ у него мордашка-то побѣлѣла!

А я молчалъ и трясся. Спасибо имъ, что еще они меня пугать не вздумали и лодку не качали,

какъ это обыкновенно мальчики дѣлаютъ: непременно бы я тогда со страху въ воду бросился.

Когда мы были уже довольно далеко отъ берега, я открылъ глаза и замеръ отъ ужаса: кругомъ вода, вода и вода! А къ ужасу этому примѣшалось и другое чувство: восторгъ передъ красотой. Оторваться взглядомъ не могъ я отъ этой чудной глади и молчалъ, какъ зачарованный.

Съ часъ, если не больше, катались мы, и когда я выскочилъ на берегъ, со мной сдѣлалось что-то въ родѣ истерическаго припадка. Я хохоталъ, прыгалъ и даже кувыркался отъ восторга и всю ночь потомъ провелъ очень безпокойно: то и дѣло просыпался, вскрикивалъ и даже плакалъ.

А черезъ день меня ждало новое искушеніе: казачокъ Оедька сказалъ мнѣ:

— Ну, эка невидаль, что вы на катерѣ катались! Катеръ—что! Катеръ большой! А вотъ не хотите ли вы со мной на ботничкѣ проѣхаться? Что, небойсь, струсили?

— И нисколько не струсилъ! Нисколько не струсилъ! И съ удовольствіемъ поѣду на ботничкѣ!—загорячился я.

„Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь!“

— Ну, тогда послѣ чаю прибѣгите къ купальнѣ, такъ чтобъ только большіе не видали. Я ужъ тамъ буду,—сказалъ Оедька.

Отпили чай, и я обходнымъ путемъ, черезъ садъ, отправился къ купальнѣ. Только разъ въ жизни пришлось мнѣ испытать то чувство, которое охватило меня тогда: это было спустя десять лѣтъ, и я также черезъ садъ шелъ на первое свиданье съ дѣвушкой, въ которую былъ впервые влюбленъ: и жутко, и страшно, и непреодолимо влечеть.

У купальни, сидя на кормѣ ботничка, ждалъ меня Оедька.

— Ну, прыгайте!—сказалъ онъ мнѣ, подводя бортъ утлой лодчонки къ плоту.

Я перекрестился, но не прыгнулъ, а осторожно и весь трясясь, какъ-то вползъ въ ботникъ. Оедька толкнулся весломъ, и лодка сразу покачнулась.

— Ай—взвизгнулъ я.

Но было уже поздно: насъ подхватило теченіе, и утлая скорлупка наша быстро понеслась къ стержню рѣки. Оедька мастерски работалъ весломъ, а я, испуганно озираясь по бокамъ, крѣпко держался руками за лавочку, судорожно подобравъ подъ себя ноги. Я боялся поставить ихъ на дно. Мнѣ казалось, что старья, гнилыя доски сейчасъ же провалятся, и я утону. При каждомъ движеніи Оедьки я весь съеживался, полагая, что вотъ-вотъ сейчасъ всему конецъ.

А ботникъ быстро скользилъ по теченію, то поднимая, то опуская свой носъ.

И опять чувство восторга начало смѣшиваться въ моей душѣ съ чувствомъ ужаса. Но послѣдній взялъ верхъ, и я прошепталъ:

— Оедя, я на берегъ хочу!

Оедька иронически улыбнулся и повернулъ къ берегу.

Почувствовавъ подъ ногами землю, я на этотъ разъ уже не визжалъ и не кувыркался, а только, слегка пошатываясь, шелъ по берегу, и мнѣ было жалко, что я такъ рано самъ прервалъ это жуткое наслажденіе.

Въ это же лѣто, когда Курмыга вошла въ берега, я уже одинъ катался на ботникѣ, не взирая на причитанія и оханья моей нянюшки.

А когда намъ всей семьей опять пришлось